Знаменский Дмитрий Юрьевич

канд. полит. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3492-1567**e-mail:** belyferz@list.ru**ОБНОВЛЯТЬСЯ ИЛИ ПРОИГРАТЬ: О СОЗДАНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ БЮРОКРАТИИ И «ПРИНЦИПЕ ДОМИНО» В ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМАХ**

Аннотация. Рассмотрен процесс реформирования государственной службы в контексте государственных преобразований Петра Великого. Особое внимание уделено периодизации реформ. На основании ее анализа сделан вывод не только о справедливости хронологического разделения государственных преобразований Петра Великого на условно стихийный и организованный этапы, но и о своеобразном «принципе домино»: проведение одной реформы обуславливало необходимость следующей. Дана собственная трактовка особенностей формирования имперской бюрократии в России первой четверти XVIII в. Отмечено сравнительно медленное развитие этого процесса, что можно объяснить инертностью самого чиновничества и в первую очередь – подьяческого корпуса.

Ключевые слова: государство, бюрократия, реформы Петра I, государственная служба, государственное управление, геополитические императивы, факторы реформ, принцип домино, Северная война

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Для цитирования: Знаменский Д.Ю. Обновляться или проиграть: о создании Российской имперской бюрократии и «принципе домино» в Петровских реформах // Вестник университета. 2021. № 9. С. 14–20.

RENOVATE OR DEFEAT: ABOUT CREATION OF RUSSIAN IMPERIAL BUREAUCRACY AND “DOMINO PRINCIPLE” IN PETRINE REFORMS

Abstract. The article considers the process of reforming the civil service in the context of the state transformations of Peter the Great. The author pays special attention to the periodization of reforms. Based on its analysis, the conclusion is drawn not only about the validity of the chronological division of Peter the Great's state transformations into conditionally spontaneous and organized stages, but also about a kind of “domino principle”: the implementation of one reform necessitated the next. The author gives his own interpretation of the features of the formation of the imperial bureaucracy in Russia in the first quarter of the XVIII century. The relatively slow development of this process is noted, which can be explained by the inertia of the bureaucracy itself and, first of all, the podiachy corps.

Keywords: state, bureaucracy, reforms of Peter I, public service, public administration, geopolitical imperatives, reform factors, domino principle, Nordic War

Acknowledgement. The reported study was funded by RFBR under research project No. 20-09-42064.

For citation: Znamenskiy D.Yu. (2021) Renovate or defeat: about creation of Russian Imperial bureaucracy and “domino principle” in Petrine reforms. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 14–20. DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-14-20

Введение

Исследования хода государственных преобразований, проведенных в России в первой четверти XVIII в., а также их последствий, непосредственных и отдаленных, предпринимались в исторической науке неоднократно [2]. Это связано как с масштабом проведенных реформ, так и с личностью Петра Великого, о чем свидетельствуют регулярные (уже начиная с середины XVIII в.) попытки составления биографии первого

© Знаменский Д.Ю., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Znamenskiy D.Yu., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

российского императора. Вместе с тем нерешенными остаются три принципиальных вопроса: 1) об историческом значении Петровских реформ для России и мира; 2) о причинах, побудивших царя к столь масштабным и глубоким преобразованиям и 3) о самой необходимости этих преобразований. Стоит отметить две полярные точки зрения на этот счет.

Во-первых, целый ряд историков и мыслителей (условно называемых «западниками») традиционно считает путь Петровских реформ единственно возможным для России в конце XVII столетия. В качестве аргументации часто приводится сравнительный анализ экономических показателей России и стран Западной Европы того времени, сопоставляется российский и европейский уровень научно-технического развития, описываются военные неудачи русского оружия в последней четверти XVII в.

Во-вторых, с середины XIX в. и до настоящего времени сохраняется также и критический взгляд на петровские преобразования, доходящий порой до радикального неприятия курса Петра I. Представители данного направления (так называемые почвенники) отмечают насильственный характер реформ, фактически слом вековых устоев русского общества, вплоть до обвинений царя в отказе от русской идентичности в пользу идентичности европейской. В противовес петровским идеям выдвигается тезис о не менее конструктивных и успешных, но постепенных и логически встроенных в русский историко-цивилизационный код преобразований периода правления царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Вообще отношение к петровским реформам до сих пор выступает одной из центральных проблем в дискуссиях о политической и национальной идентичности населения России, о чем неоднократно упоминалось в трудах О. Ю. Яхшияна, Н. А. Омельченко и ряде других [12; 20].

Полемика затрагивает и вопрос о государственной службе. С одной стороны, революционный характер преобразований, осуществленных Петром I в данной сфере, не вызывает сомнений, с другой же, – как уже было показано автором в предыдущих статьях, к концу XVII в. предшественниками первого императора был создан существенный задел: в полках иноземного строя фактически существовала параллельная система чинов европейского образца, был формально отменен местнический принцип назначения на должности, существовал проект новой системы военных и гражданских чинов [13; 17].

Материалы и методология

Как уже отмечалось выше, Петровские реформы вообще и государственные преобразования в частности, нередко становились объектом научных исследований отечественных и зарубежных историков. Из числа дореволюционных исследователей стоит отметить фундаментальные труды В. Н. Татищева, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, Д. И. Иловайского, С. Ф. Платонова [7; 9; 11; 15; 18].

Советская и современная российская историография петровских преобразований включает труды Е. В. Анисимова, Н. Ф. Демидовой, Т. А. Лаптевой, А. М. Панченко, П. В. Седова, Г. В. Талиной и др. [5; 14; 16; 17].

С точки зрения анализа предпосылок Петровской реформы государственной службы представляются весьма плодотворными работы Г. В. Талиной, посвященные вопросам формирования иерархии чинов в России второй половины XVII в., а также Н. Ф. Демидовой, детально изучавшей процессы формирования подьяческого корпуса в XVII столетии и его роли в формировании имперской бюрократии в последующие годы.

В современной историографии государственных преобразований Петра I и, в частности, его реформы государственной службы следует обратить внимание на весьма плодотворный труд К. Х. Ибрагимова и А. К. Ибрагимова, посвященный развитию высших органов государственной власти [6].

Исследователи современных тенденций развития российской государственной службы также зачастую обращаются к опыту построения имперской бюрократии. Примером тому служат труды Н. В. Блиновой и Д. А. Филимонова, Г. А. Борщевского, М. А. Черкасовой и др. [3; 22; 23].

Таким образом, в отечественной и мировой историографии сформирован значительный научный задел по исследованию хронологии петровских государственных преобразований. Вместе с тем нельзя не отметить отсутствие единства мнений по означенным выше принципиальным вопросам. Представляется важным в этой связи обратить особое внимание на анализ специфики формирования имперской бюрократии в России и сочетанию исконной российской и европейской традиций в этом процессе.

Результаты

По мнению автора, резонно предположить, что реформа государственной службы, проведенная Петром I и приведшая к формированию в России начала XVIII в. имперской бюрократии нового типа, была обусловлена сугубо практическими потребностями, вызванными геополитическими императивами России и Северной войной.

Представляется нелишним напомнить, что внешнеполитическое положение России к началу самостоятельного правления Петра I оставалось незавидным. Во-первых, непосредственные сношения государство вело только с соседними Швецией, Польшей и вассальным Константинополю Крымским ханством, причем последнее представляло для Москвы перманентную угрозу. Во-вторых, участие в антиосманской Священной лиге обязывало Россию вести военные действия против Крыма, что привело к двум походам в 1687 г. и 1689 г., о степени успешности которых до сих пор спорят историки. В-третьих, отсутствие собственного военного и торгового флота ставило русскую внешнюю торговлю в зависимость от европейских морских караванов и делало возможным, при необходимости, торговую блокаду России со стороны западноевропейских держав.

Таким образом, перед Петром I стояла не новая и до сих пор нерешенная его предшественниками геополитическая задача – силой оружия выйти к так называемым естественным границам на юге и на северо-западе (то есть к Черному и Балтийскому морям) с целью обеспечения безопасности, расширения возможностей для внешней торговли и укрепления международного престижа России [10].

Взятие Азова в 1696 г. показало важность наличия флота в реалиях современной войны. Кроме того, примерно тогда же, по всей видимости, Петром I был сделан существенный с геополитической точки зрения вывод о второстепенности борьбы за выход к Черному морю в настоящее время: даже при успешном закреплении на его северном побережье возможность блокады новых торговых путей со стороны османской империи сохранялась, в то время как антиосманская Священная лига к 1699 г. перестала существовать. На этом фоне более выигрышным выглядит северо-западное направление, ставшее приоритетным во внешней политике Петра I практически до конца его правления.

Смена геополитических императивов не была случайной. С одной стороны, формально Петр I претендовал на отторгнутые у России еще по Столбовскому миру 1617 г. территории в Ливонии (так называемой земли оттич и дедич). С другой же – без доступа не только к Черному, но и к Балтийскому морю Россия не могла стать великой европейской державой в полном смысле этого слова.

Экспансия России в Прибалтику, начатая Петром I в 1700 г., не могла не привести к военному конфликту со Швецией, а значит, русской армии предстояло столкнуться с одной из передовых армий того времени. Анализ как историографических, так и архивных источников позволяет сделать вывод о том, что Россия на рубеже XVII–XVIII вв. к подобному столкновению не была готова [19]. Первым и наиболее унижающим свидетельством этой неготовности стало поражение под Нарвой в 1700 г. После двухмесячной осады крепости 35-тысячная армия Петра I была разгромлена 15-тысячным шведским войском. Русские войска отступили в беспорядке (за исключением Преображенского и Семеновского полков, сформированных и обученных уже по новым принципам), потеряв всю артиллерию. Еще до этого фиаско царь покинул армию – думается, что справедлива точка зрения Е. В. Анисимова, утверждающего, что Петр I просто-напросто поставил крест на действующей армии и предпочел начать формирование новой [1].

Говоря о неготовности России к начавшейся войне, следует подчеркнуть, что речь идет не только, собственно, об армии (ее подготовке и вооружении), о чем чаще всего упоминается в историографии петровского правления [11], но еще и о системе военно-административного управления (комплектowaniu войск, их материально-техническом и финансовом обеспечении, кадровой политике). Выводы, сделанные Петром I из поражения под Нарвой, сводились к следующему: 1) для успешного ведения войны со Швецией необходима качественно иная армия, со строгой войсковой организацией и дисциплиной, четко сформулированными уставами и системой подготовки офицерских кадров; 2) подобная армия требует совсем другого принципа комплектования, основанного на регулярности службы; 3) артиллерийский парк требовал не просто обновления, а фактически создания заново; 4) для победы над Швецией необходим военно-морской флот на Балтике. Как следствие всего перечисленного, при реформировании армии и создании военно-морского флота нельзя было обойти стороной и систему военно-административного (а затем – и гражданского) управления.

В отечественной историографии принято выделять два этапа петровских преобразований [8]. Первый из них охватывает период с начала Северной войны до второй поездки Петра I в Европу в 1716 г. Именно этот этап отличается определенной стихийностью, бессистемностью и подчиненностью сиюминутным потребностям. Многие преобразования носили чисто внешний характер (например, бритье бород, обязательное ношение европейского платья, ассамблеи, введение моды на кофе и курение табака). Но большинство изменений все же носили глубинный характер и меняли саму суть системы управления армией и страной. Так, введение в 1705 г. рекрутских наборов потребовало реформы территориального управления в 1708-1715 гг. (с возложением на губернаторов и воевод обязанностей по организации сбора рекрутов, их подготовки и экипировки), а необходимость содержания армии постоянной боевой готовности – денежную реформу, введение новых налогов (1705–1710 гг.), перепись населения (1710 г.), учреждение системы финансового контроля за губернаторами и воеводами – фискалитета (1711 г.) и регулярных сенатских ревизий и, наконец, введение единого налога – подушной подати (1718–1724 гг.). В этом смысле представляется обоснованным мнение английского историка Дж. Хоскинга, отмечавшего, что многие реформы Петра I вызывались необходимостью набора, снабжения и содержания армии [19]. Подобные меры объективно требовали концентрации всей полноты власти в руках монарха, что привело к затуханию сословно-представительных институтов как в центре, так и на местах: перестают созываться Земские соборы, прекращается практика пожалования в думные чины, вся власть в уездах и новообразованных губерниях сосредотачивается в руках губернаторов и воевод, назначаемых лично царем.

Хронология реформ, приведенная выше, свидетельствует о справедливости точки зрения дореволюционного исследователя петровской эпохи С. Князькова, утверждавшего, что на данном этапе у Петра I и его сотрудников не был выработан какой-либо изначальный план преобразований [10]. Еще одна характерная черта петровских преобразований, отмеченная историками, – их стремительность, обусловленная, опять же, необходимостью реагировать на внешние вызовы. Тот же С. Князьков отмечал, что все реформы Петра I из обстоятельств войны исходят и войной определяются, вызываются минутой осложнения и проводятся с лихорадочной быстротой, часто вредящей сути дела [10].

Второй этап преобразований Петра I (1717–1725 гг.) приходился на период менее острого военного противостояния, что позволило перейти к более продуманным, системным реформам внутреннего управления. Принципиальное влияние на них оказала вторая поездка царя в Европу и целенаправленное изучение французского, шведского и датского опыта организации финансов, церковного управления и государственной службы.

Стоит отметить, что реформирование армии и вслед за ней бюрократического аппарата напрямую повлияло на трансформацию всего русского общества. Это связано с той ключевой ролью, которую играло военно-служилое сословие в допетровской России, и которую оно продолжило играть в новых реалиях России имперской.

Несение военной и военно-административной службы, как справедливо отмечает К. В. Петров, являлось одной из ключевых обязанностей дворян и детей боярских. Не будет преувеличением точка зрения Р. Г. Скрынникова, что именно формирование военно-служилого сословия (а несколько позже – и приказной бюрократии) заложило основу русского самодержавия. Поэтому, разрушая прежнюю систему комплектования и организации войска, Петр I волей-неволей по принципу домино подвергал необратимым изменениям все российское общество.

Как уже отмечалось, меры Петра Великого по отношению к служилому сословию во время войны носили очень случайный характер, и лишь около 1717 г., когда царь вплотную занялся «гражданством», начинают становиться более общими и систематическими [10]. Теоретической основой преобразований в государственном аппарате стали идеи камерализма и теория естественного права, почерпнутые в переводных трудах Гроция, Пуфендорфа, Локка и др. Государственные учреждения, создаваемые в соответствии с идеями камерализма, базировались, во-первых, на принципе коллегиальности при принятии решений, во-вторых, на высокой степени регламентации должностных обязанностей чиновников, в-третьих, на их узкой специализации, в-четвертых, на стабильности штатного расписания и денежного довольствия служащих.

Фактически ликвидируя приказную систему управления и учреждая первые коллегии (1717 г.), Петр одновременно закладывал основы бюрократии нового типа, что вынуждало его пересматривать всю систему отношений государства и служилого сословия. Прежде всего, логика реформ требовала разрушения некогда единого сословия служилых людей – их разделения на дворян (шляхетство) и однодворцев (в дальнейшем

утративших статус привилегированного сословия). Главным же изменением в статусе дворянства стали новые критерии оценки их службы и, следовательно, карьерного роста. На смену принципа знатности, позволявшего молодым людям из боярских семей сразу же занимать высокие поста в государстве, приходят принципы служебной пригодности и личной выслуги. Законодательно эти принципы нашли свое отражение в Табели о рангах 1722 г., установившей строгую иерархию чинов и должностей в рамках военной, придворной и статской (гражданской) службы.

Сама категория «дворянин» была теперь теснейшим образом связана с действительной службой, обязательной и фактически пожизненной. При этом, по мнению Д. И. Иловайского, служба и милость государя были окончательно поставлены выше знатного происхождения: представитель недворянского сословия при производстве в военный чин XIV класса или гражданский чин VIII класса автоматически получал потомственное дворянство [7]. Законом регламентировалось и имущественное положение дворян. Так, в 1714 г. вводится понятие майората – родового земельного владения, запрещенного к продаже, залогу и передаче в чужие руки. Майорат был неделим и подлежал передаче от отца к старшему сыну или иному наследнику, назначенному отцом. Вотчина и поместье таким образом были законодательно уравнены друг с другом. В любой момент дворянские владения могли быть конфискованы в казну за совершение политических либо уголовных преступлений, а также за уклонение от государственной службы [4].

Все эти меры положили начало профессиональной чиновной иерархии – бюрократии, ставшей наряду с гвардией опорой российского престола в XVIII – начале XX вв.

Заключение

Безусловно, при всей стремительности петровских реформ, процесс обновления государственности вообще и государственной службы в частности продвигался медленно – и не в последнюю очередь в силу инертности общественного сознания. Так, термин «подьячий» исчез из официального лексикона уже к концу правления Петра I, а из бытового – только к началу XIX в. Дело в том, что, установив Табель о рангах для высших и средних чинов, Петр I на время оставил без изменений систему чинов младших. К примеру, по штату в составе новообразованных коллегий, помимо новых чинов (президента и вице-президента, четырех советников и четырех ассессоров, секретаря, нотариуса, актуария, регистратора и переводчика) полагалось также несколько подьячих. В дальнейшем дяки и подьячие трех статей со временем были просто переименованы соответственно в секретарей, канцеляристов, подканцеляристов и копиистов.

Подводя итог петровским преобразованиям, следует еще раз вернуться к дискуссии об их целесообразности и той цене, которую Россия заплатила за обретение статуса великой европейской державы и империи. Думается, дилемма, вставшая перед Петром I в начале его самостоятельного правления, была проста: обновляться или проиграть. Сделанный им выбор очевиден.

Библиографический список

1. Анисимов, Е.В. История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты. – 4-е изд., доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – 591 с.
2. Анисимов, Е.В. Петр Первый: благо или зло для России? – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 271 с.
3. Борщевский, Г.А. Система управления бюрократией в царской, советской и современной России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. – 2020. – Т. 65, №1. – С. 61–84. <https://doi.org/10.21638/11701/srbu02.2020.104>
4. В поисках общественного идеала: проблемы российской государственности в общественно-политической мысли России (X – начало XXI вв.): монография / Государственный университет управления; [Омельченко, Н.А. и др.]. – М.: Издательский дом ГУУ, 2015. – 241 с.
5. Демидова, Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. – М.: Наука, 1987. – 225 с.
6. Ибрагимов, Х.К., Ибрагимов, А.К. Петр Великий и Правительствующий Сенат: монография. – М.: ЮНИТИ, 2010. – 319 с.
7. Иловайский, Д.И. Очерки отечественной истории. – М.: Мысль, 1995. – 510 с.
8. История России: в 4 т. Т.2. Становление и развитие Российской империи (XVIII – первая половина XIX века): коллективная монография / под ред. Н.А. Омельченко. – М.: Инфра-М, 2018. – 445 с.
9. Ключевский, В.О. Боярская дума Древней Руси. – Репринт изд. 1902 г. – СПб., 1994. – 547 с.

10. Князьков, С. Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. – М.: Планета, 1991. – 712 с.
11. Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – Репринтное изд. – Кн. II. – М., 1991. – 350 с.
12. Омельченко, Н.А. Проблемы национальной (политической) идентичности в контексте идейных дискуссий в русском послеоктябрьском зарубежье // Вестник университета. – 2019. – № 10. – С. 34–41. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-10-34-41>
13. Омельченко, Н.А., Знаменский, Д.Ю. Кризис традиционной системы государственной службы в русском государстве конца XVII в. и предпосылки реформ Петра Великого // Вопросы истории. – 2020. – № 8. – С. 52–61. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202008Statyi03>
14. Панченко, А.М. Русская история и культура: работы разных лет. – СПб., 1999. – 520 с.
15. Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории. – Вып. 2. – СПб., 1899 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://Runivers.Ru/Lib/Book3131/9859/> (дата обращения: 10.08.2021).
16. Седов, П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 612 с.
17. Талина, Г.В. Чиновная лестница Московского царства в третьей четверти XVII века // Преподаватель XXI век. – 2014. – № 1. – С. 258–272.
18. Татищев, В.Н. История Российская: в 7-и томах. – М.-Л.: Издательство «Наука», 1962–1968. – Т. VI. – 434 с.
19. Хоскинг, Дж. Россия и русские: В 2-х книгах. – Кн. 1. – М., 2003. – 494 с.
20. Яхшиян, О.Ю. Русский культурный (цивилизационный) код: идентичность и политика // Вестник университета. – 2019. – № 10. – С. 52–58. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-10-52-58>
21. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 210, оп. 12. – д. 226. – л. 9, 15, 33.
22. Blinova, N.V., Kirka, A.V., Filimonov, D.A. Rational bureaucracy 2.0: Public administration in the era of artificial intelligence // In: Popkova E.G., Ostrovskaya V.N., Bogoviz A.V. (eds) Socio-economic Systems: Paradigms for the Future. Studies in Systems, Decision and Control. – Springer: Cham, 2021. – V. 314. – Pp. 1679–1689. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_174
23. Cherkasova, M.A., Bayurova, S.G., Khamov, V., Cherkasov, V. The evaluation of the influence of mentality on modernization processes in modern Russia // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – V. 6, No. 3. – Pp. 109–114. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s4p109>

References

1. Anisimov E.V. *History of Russia from Rurik to Putin. People. Events. Dates*, 4th ed., St.Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2014, 591 p. (In Russian).
2. Anisimov E.V. *Peter I: good or evil for Russia?* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 271 p. (In Russian).
3. Borshchevskiy G.A. (2020) The management system of bureaucracy in tsarist, soviet and modern Russia, *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 61–84. (In Russian). 114 <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.104>
4. *Searching the social ideal: problems of Russian statehood in socio-political researches of Russia (X – XXI centuries): monograph*, State University of Management, [N.A. Omelchenko et al], Moscow, GUU Publishing House, 2015, 241 p. (In Russian).
5. Demidova N.F. *Serving bureaucracy in Russia in XVII century and it's role at formation of absolutism*, Moscow, Nauka Publishing House, 1987, 225 p. (In Russian).
6. Ibragimov H.Kh., Ibragimov A.K. *Peter the Great and Governing Senate: Monograph*, Moscow, UNITI, 2010, 319 p. (In Russian).
7. Illovayskiy D.I. *Essays on Russian history*, Moscow, Mysl', 1995, 510 p. (In Russian).
8. *History of Russia: In 4 volumes. Vol. 2. Formation and development of the Russian Empire (XVIII – first half of the XIX century): collective monograph*, ed. by N. A. Omelchenko, Moscow, Infra-M, 2018, 445 p. (In Russian).
9. Klyuchevsky V.O. *The Boyar Duma of Ancient Russia*, Reprint of the 1902 edition, St. Petersburg, 1994, 547 p. (In Russian).
10. Knyazkov S. *From the past of the Russian land. The Time of Peter the Great*, Moscow, Planeta, 1991, 712 p. (In Russian).
11. Kostomarov N.I. *Russian history in the biographies of its main figures*, Reprint edition, Book II, Moscow, 1991, 350 p. (In Russian).
12. Omelchenko N.A. Problems of national (political) identity in the context of ideological discussions in the Russian post-October emigration, *Vestnik universiteta*, 2019, no. 10, pp. 34–41. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-10-34-41>
13. Omelchenko N.A., Znamenskiy D.Yu. Crisis of the traditional public service system in the Russian State at the end of 17th century and the roots of the reforms of Peter the Great, *Voprosy istorii*, 2020, no. 8, pp. 52–61. (In Russian). <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202008Statyi03>

14. Panchenko A.M. *Russian history and culture: works of different years*, St. Petersburg, 1999. 520 p. (In Russian).
15. Platonov S.F. *Lectures on Russian history*, Issue 2, St. Petersburg, 1899. Available at: <https://Runivers.Ru/Lib/Book3131/9859/> (accessed 10.08.2021). (In Russian).
16. Sedov P.V. *End of Moscow Kingdom: Tsar's court at the end of XVII century*, St.-Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2006, 612 p. (In Russian).
17. Talina G.V. Official scale of Moscow Kingdom at 3-rd quarter of XVII century, *Prepodavatel' XXI Vek*, 2014, no. 1, pp. 258–272. (2014) (In Russian).
18. Tatishchev V.N. *The History of Russia: in 7 vol*, Moscow, Leningrad, Nauka, 1962-1968, vol. VI, 434 p. (In Russian).
19. Hosking J. *Russia and the Russians: In 2 books*, Book 1, Moscow, 2003, 494 p. (In Russian).
20. Yakhshiyan O.Yu. Russian cultural (civilizational) code: identity and policy, *Vestnik universiteta*, 2019, no. 10, pp. 52–58. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-10-52-58>
21. *Russian State Archive of Ancient Acts*, Found 210, Inventory 12, File 226, Sheet 9, 15, 33. (In Russian).
22. Blinova N.V., Kirka A.V., Filimonov D.A. Rational bureaucracy 2.0: Public administration in the era of artificial intelligence, In: Popkova E.G., Ostrovskaya V.N., Bogoviz A.V. (eds) *Socio-Economic Systems: Paradigms for the Future. Studies in Systems, Decision and Control*, Springer, Cham, 2010, vol. 314. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_174
23. Cherkasova M.A., Bayurova S.G., Khamov V., Cherkasov V. The evaluation of the influence of mentality on modernization processes in modern Russia, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, no. 3, pp. 109–114. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s4p109>